

ЛЮДИ, ВЕЩИ, ПРИРОДА

Мои воспоминания

Алексей Свири

*Уход за деревом познается в плоде его:
так в слове помышление сердца человеческого.
Книга Премудрости Иисуса сына Сирахова*

*Воспоминания — богатство старости.
Гр. Е. К. Воронцова*

В годы моей молодости в Казани жила семья сына поэта Евгения Абрамовича Боратынского Николая Евгеньевича, состоявшая из его вдовы Ольги Александровны, рожденной Казем-Бек, сына Александра Николаевича (он был уездным предводителем дворянства; расстрелян в 1918 году) и дочерей Ольги Николаевны, в замужестве с Н.З. Шульгиным (был сенатором и умер в Америке), Екатерины Николаевны и Ксении Николаевны. Я был принят в семье Боратынских и Шульгиных.

В 1913 году, по окончании университета, отправляясь в Москву, я был у Боратынских, и Екатерина Николаевна, зная мои интересы к вопросам искусства, дала мне письмо к Николаю Ивановичу Тютчеву, приходившемуся родственником Боратынским, и отметила, что у него в квартире настоящий музей. С благодарностью принял я письмо и по приезде в Москву не без волнения отправился к Николаю Ивановичу.

Средний Спасский переулок. Николай Иванович лобезно меня встретил. То, что я у него увидел, действительно поразило меня, приехавшего из провинции и ничего подобного никогда не видавшего. Гордостью собрания Николая Ивановича был елизаветинский фарфор, украшавший столовую. В гостиной — фамильные портреты и замечательная мебель красного дерева с золоченой резьбой. Все в квартире Николая Ивановича было пронизано тонким вкусом и большой изысканностью. В самом деле это был прекрасный домашний музей.

Во время моего приезда в Москву в 1916 году я познакомился с братом Николая Ивановича Федором Ивановичем, был приглашен к завтраку и представлен их матушке Ольге Николаевне. <...>

Революция, в корне перестроившая нашу жизнь, коснулась и семьи Тютчевых. Переход их усадебного дома в подмосковной Мураново в ведение государства естественно на первых порах вызвал у них беспокойство.

Однако надо отметить, что возникший пос-

ле революции в системе Народного комиссариата просвещения Музейный отдел возглавлялся Н.И. Троцкой, человеком образованным, относившимся к сотрудникам отдела с уважением и полным доверием. В качестве заведующего музеями-усадебными в Отделе состоял Трифон Георгиевич Трапезников, в высшей степени доброжелательно относившийся к судьбе Муранова. Т.Г. Трапезников неоднократно приезжал в Мураново и совместно с Николаем Ивановичем Тютчевым обсуждал планы развертывания музея в старом доме. Память о Трифоне Георгиевиче Трапезникове сохранилась в семьях Тютчевых и Пигаревых как о добром гении Муранова.

В 1920 году большой дом в Мураново был превращен в Музей, и организацией его занялся Николай Иванович. Кстати, надо отметить, что первоначально он был только сотрудником Музея, а заведующим был назначен очень пожилой человек, юрист, не имевший никакого отношения к литературе и искусству, но надо отдать ему справедливость, совершенно не вмешивавшийся в деятельность Николая Ивановича по устройству Музея. Бывшие владельцы Муранова из большого дома перешли в малый, т. н. «дачу», построенную сыном поэта Иваном Федоровичем для своей матери Эрнестины Федоровны, вдовы поэта. <...>

В 1924 году Николай Иванович был назначен пожизненным хранителем Музея, в 1946 году он получил звание заслуженного деятеля искусств и орден Трудового Красного Знамени. Таковы некоторые факты жизни семьи Тютчевых.

Шутя, я часто называл Николая Ивановича живым экспонатом Музея. Николай Иванович был элегантно, всегда безукоризненно одетым, обладал красивыми манерами во всем, и даже в том, как он курил, держал и гасил папиросу; на фоне нашей действительности он был единственным в своем роде живым экспонатом. О его внешности свидетельствует целый ряд фотографий. <...> Внешность Николая Ивановича прекрасно

Выставка, посвященная Н.И. Тютчеву
и К.В. Пигареву

Столовая.
Старинный буфет с фарфором

отражала его внутреннюю, глубокую культуру, пронизывавшую все его существо. Николай Иванович не был «искусствоведом», но он обладал абсолютным вкусом, верным глазом и тонким восприятием искусства. Это тонкое восприятие давало ему возможность безошибочно отличать подделки, как бы хорошо они ни были сделаны. Его собрание фарфора, очень обширное, состояло из первоклассных предметов, представляющих большой художественный интерес, и потому предполагалось посвятить этому собранию специальное издание. В известной тогда газете «Новое время» сообщалось о предстоящем выходе составленного И.И. Лазаревским описания фарфора из собрания Н.И. Тютчева, но из-за Первой мировой войны издание не состоялось.

Отмеченные выше исключительный вкус Николая Ивановича и тонкое понимание им произведений искусства обусловили высокохудожественный эстетический облик организованного им музея, неизменно пленяющий посетителей. Необходимость сделать музеем жилой дом была сложной задачей, прекрасно решенной Николаем Ивановичем. Он много передал государству предметов из своего московского собрания, в том числе комплект мебели красного дерева начала XIX века. Бытовые предметы, большей частью XX века, не имевшие ни художественного, ни бытового значения, удалялись, и это придавало любому уголку большую ценность и необыкновенную красоту, продиктованную безукоризненным вкусом Николая Ивановича. В первую очередь был приведен в «музейный вид» нижний этаж дома. <...>. Также были приведены в музейный вид некоторые комнаты второго этажа. Надо добавить, что в связи с превращением дома в музей открывались новые факты, связанные с жизнью и творчеством Е.А. Боратынского и Ф.И. Тютчева, а также обширный изобразительный материал: гравюры, литографии, фотографии. Этот материал дал возможность устраивать те или иные выставки и, кроме того, отмечать даты, связанные с жизнью Е.А. Боратынского и Ф.И. Тютчева. Так, в 1924 году была открыта выставка в связи с 50-летием со дня смерти Ф.И. Тютчева. Благодаря энергии и инициативе Николая Ивановича в связи с выставками издавались каталоги. Совершенно безукоризненно был издан «Мурановский сборник», напоминающий издания «Общества любителей изящных изданий», некогда существовавшего в Петербурге. Этим обликом сборник обязан безвременному погибшему М.С. Базыкину (он сбросился с крыши Храма Спасителя, теперь не существующего).

В памятные дни приезжали в Мураново видные музейные деятели того времени и представители литературных кругов.

При частых посещениях семьи Тютчевых в Москве и Муранове я имел большое удовольствие встречаться с целым рядом выдающихся людей, — представителей ушедшей аристократии и лиц, стоящих вне этого круга. Вспоминается яркий, в высшей степени привлекательный образ друга семьи Тютчевых Ольги Михайловны Веселкиной. Своими генеалогическими нитями через Столыпиных она была связана с М.Ю. Лермонтовым, и ей принадлежал его известный портрет работы Заболоцкого. Ольга Михайловна, человек большого ума, оживленная, наблюдательная, всегда привлекала к себе внимание. Беседа с ней или, вернее, ее рассказы, неизменно остроумные и яркие, запечатлевались в памяти. До революции Ольга Михайловна была начальницей одного из женских институтов Москвы. В 1924 году она была выслана в Екатеринбург, где вскоре стала преподавать иностранные языки и была позднее заведующей кафедрой иностранных языков. По летам она приезжала в Москву и проводила отпуск в Муранове. Скончалась Ольга Михайловна в 1949 году.

В 1920-х — 1930-х годах бывал в Муранове Михаил Васильевич Нестеров. Он проводил там довольно много времени и написал прекрасный портрет Софьи Ивановны Тютчевой. <...>. Менее удачно у Нестерова вышел портрет Николая Ивановича. Впрочем, он хорошо передает его элегантность (характерной деталью портрета является его любимая пепельница в виде лебедя). Кроме того, Михаилом Васильевичем сделано много эскизов с видами Муранова, хранящихся в семье Пигаревых.

Писал внутренние виды дома художник П.И. Петровичев, приезжавший почему-то обычно в сильные морозы. Помню также приезды Владимира Федоровича Джунковского, бывшего товарища министра внутренних дел, читавшего свои документальные воспоминания, хранящиеся в Литературном музее. Вспоминается его сестра Евдокия Федоровна, производившая необыкновенно приятное впечатление. Незабываемы ее лучистые глаза, отражавшие большую доброту.

Попутно с развертыванием Музея началась экскурсионная работа. Обычно показывал Музей Николай Иванович, но постепенно с увеличением посещаемости ему стали помогать сестра Екатерина Ивановна и ее дети, Кирилл Васильевич и Ольга Васильевна. Обычно излагалась история дома и сложные родственные связи Энгельгардтов, Е.А. Боратынского, Н.В. Пуляты и И.Ф. Тютчева. Когда Музей показывал сам Николай Иванович, то это было особенно интересно. Его всегда элегантный облик, изящные манеры дер-

Столовая.
Фарфоровая ваза. Завод Попова. 1840-е

Столовая. Фарфор.
Мейсенская мануфактура. XVIII в.

жаться и говорить были органически связаны с этим домом, в котором он родился (среди этой обстановки он сам был живым представителем замечательной русской аристократии, давшей России А.С. Пушкина, Е.А. Боратынского, Ф.И. Тютчева).

Надо отметить, что внешний вид людей того времени был совершенно иной, чем теперь, когда каждый мужчина одет в сверхбелую сорочку, пиджак и модную обувь. Тогда люди были одеты «кто во что горазд», кое-кто донашивал форму военного времени, ни белых воротничков, ни манжет никто не носил, и вполне понятно, что элегантный облик Николая Ивановича особенно выделялся на общем сером фоне. Он покорял слушателей и вызывал к себе большое уважение людей, социально далеко стоящих от всего того, о чем говорил Николай Иванович. Весь Музей и сам Николай Иванович сливались в одно гармоническое целое.

Теперь отчетливо вспоминаются мне мои зимние поездки в Мураново. После длительного, довольно тяжелого пути от платформы Ашукинской, приблизившись к дому, вижу свет в окне кабинета Николая Ивановича. При входе в кухню приветливо встречает Анна Матвеевна. Когда-то она была горничной Ольги Николаевны, а теперь преемственно обслуживает Николая Ивановича. Поднимаюсь по узенькой лестнице, вхожу в кабинет. Навстречу встает из-за стола Николай Иванович со своей особенной приятной улыбкой, в которой чувствуется расположение и симпатия. После взаимного поцелуя начинается беседа. Удивительное чувство неизменно охватывало меня при входе в этот кабинет. Здесь был особый мир, отражающий всю художественно-эстетическую сущность его хозяина. Ни одна вещь не резала глаз, все было очень просто, но все было частицей навсегда ушедшей высокой русской дворянской культуры. Невольно охватывало чувство радости и благодарности за теплый и доброжелательный прием. На следующий день, по обычаю, совершали прогулку по Музею. Я знал Музей более сорока лет и тем не менее, каждый раз при обходе неизменно испытывал большое эстетическое наслаждение. Несомненно, художественный потенциал Музея настолько велик, что не утрачивает своей силы в течение десятилетий. Это надо объяснить тем, что в Музее нет предметов, которые могли бы нарушить целостность общего художественного впечатления. В моей памяти остался один момент. Однажды, когда разошлись посетители, мы, проходя по Музею, остановились в кабинете Боратынского и Тютчева. Николай Иванович сел на кресло около стола, а я на другое. Некоторое время мы молчали, и в этот момент какое-то особенное чув-

ство охватило меня, я почувствовал, как будто сижу в гостях у Николая Ивановича еще до революционной бури, а Николай Иванович, как любезный хозяин, принимает меня в своем кабинете. Это был незабываемый момент, более не повторявшийся.

Говоря о Музее, надо упомянуть о парке, прилегающем к дому и переходящем в лес. Когда-то давно там были дорожки и лесенки, спускавшиеся в живописные овраги, прорезывающие парк. Вначале, при превращении дома в Музей, София Ивановна и Федор Иванович занимались парком, расчищали дорожки, устраивали спуски в овраги. Теперь парк разросся, образовались густые заросли кустарников, молодых деревьев, составляющих густые кучи зелени различных оттенков. От дорожек не осталось и следов<...>.

Продолжая дальше повествование о судьбе Музея в Мураново, надо отметить, что в первое десятилетие своего существования он многократно подвергался «атакам» со стороны различных учреждений и лиц: то хотели устроить в доме школу, то детский сад, и Николаю Ивановичу приходилось упорно бороться с такими притязаниями. Немалую роль в ограждении Музея от всяческих «агрессий» сыграла художественная общественность Москвы и, в частности, известный артист Театра им. Вахтангова Л.П. Русланов. Наконец начался период спокойной обстановки в жизни Музея, давший возможность дальнейшего улучшения экспозиции, открытию новых отделов и плодотворной научной работы.

Известность Музея возрастала. Обычно живущий по летам в Муранове архитектор и профессор Андрей Владимирович Бунин, всегда горячо участвовавший в жизни Музея, предпринял ряд шагов к награждению Николая Ивановича орденом Трудового Красного Знамени и присуждения ему звания заслуженного деятеля искусств, что и осуществилось в 1946 году.

Постоянным помощником Николая Ивановича был его племянник Кирилл Васильевич Пигарев, деятельно участвовавший в устройстве Музея.

С весны 1949 года Николай Иванович все время плохо себя чувствовал, и 26 августа он скончался. Насколько большой известностью и уважением при жизни пользовался Николай Иванович, показали его похороны. Тело Николая Ивановича было поставлено в большой гостиной Музея, и туда приходили прощаться с ним не только жители ближайших селений, но и приехавшие из Москвы. По этому случаю даже был пущен автобус от платформы Ашукинская до Муранова. Под звуки траурного марша, исполнявшегося военным оркестром, тело Николая Ивановича торжественно несли из дома по липовой ал-

Северный фасад главного дома

Вид на липовую аллею со стороны церкви

ле к церкви, где он и был погребен рядом с могилой отца, Ивана Федоровича. Тогда же директором был назначен Кирилл Васильевич Пигарев.

В 1957 году 31 августа скончалась София Ивановна Тютчева. Я был свидетелем выноса тела Софии Ивановны. Гроб был поставлен на очень ветхую телегу, наполненную сеном и покрытую ковром, кругом сидели приехавшие из Москвы знакомые. Момент выезда телеги из ворот стоит и теперь перед моими глазами. Невольно вспоминалось прошлое Софии Ивановны, ее деятельность при Дворе. Ее похоронили в селе Рахманове, отстоящем от Муранова в 7 километрах по Ярославскому шоссе.

В том же году 9 ноября скончалась Екатерина Ивановна, похороненная на том же кладбище.

Так ушло из жизни старшее поколение потомков Федора Ивановича Тютчева.

С чувством глубокой благодарности вспоминаю отношение ко мне Софии Ивановны и Екатерины Ивановны. Это была не светская любезность, но в нем неизменно чувствовались доброжелательность, внимание и симпатия. С большим интересом и вниманием слушал я их повествование о жизни в этом доме, о семейных праздниках, традициях — и дом мысленно оживал. Исторический интерес представляли воспоминания Софии Ивановны, воспитательницы детей последнего императора, в том числе о поездках с ними в Англию, Данию, Германию.

Воспоминания Екатерины Ивановны были автобиографического характера и раскрывали картины ушедшего навсегда быта русской аристократии. Интересная деталь: в ее комнате стоял Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, которым она постоянно пользовалась.

Хочется привести один факт. Однажды, после долгого отсутствия, приехав летом в Мураново и подходя к дому, я увидел Екатерину Ивановну, спускающуюся с террасы навстречу ко мне. Такие внимание и сочувствие глубоко меня растрогали и оставили неизгладимое впечатление.

В феврале 1958 года на кладбище в селе Рахманове погребена была и внучка поэта Евгения Абрамовича Боратынского — Ксения Николаевна Боратынская, в замужестве Алексеева. <...>

Представители семьи Тютчевых были людьми большой культуры и высокого морального уровня. Вся семья отличалась особенной, подлинной аристократической скромностью и необыкновенной доброжелательностью в обращении с людьми. Буквально «историческая» роль в судьбе этой семьи после революции выпала на долю

Николая Ивановича: превратить дом, в котором он родился, в Музей, как об этом говорилось выше. Высокая художественная культура дала ему возможность создать единственный в своем роде Музей, пленяющий своей эстетической стороной, оставляющей неизгладимое впечатление. <...>

1968 г.

Текст печатается в сокращении и с незначительной редакционной правкой

Послесловие

Воспоминания А.Н. Свирина долгое время оставались достоянием семейного круга Пигаревых. Из них цитировалось только несколько отрывков, связанных с созданием музея. В 1990-х годах Н.В. Пигарев передал в научный архив музея принадлежавший ему машинописный экземпляр с правом публикации текста. Пользуемся случаем выразить Н.В. Пигареву благодарность, к которой теперь могут присоединиться читатели альманаха.

Музейный коллектив ежегодно проводит традиционные Мурановские чтения, приуроченные ко дню рождения Ф.И. Тютчева. В 1977 году Кирилл Васильевич Пигарев, тогда уже тяжело болевший, согласился по просьбе сотрудников вместо доклада немного рассказать о себе, своей семье и друзьях. Ему задали немало вопросов, в том числе о личности А.Н. Свирина и его связях с мурановскими обитателями.

Приводим ниже конспективную запись ответа.

«Алексей Николаевич Свирин познакомился с Николаем Ивановичем Тютчевым в 1913, а с его братом — Федором Ивановичем — в 1916 году. Он окончил юридический факультет Казанского университета, потом работал на Дальнем Востоке, в Ярославле, в Загорске. С юных лет у него было пристрастие к искусству, большое его понимание и тонкий вкус. Делал восхитительные вещи: карманные кареты, которые двигались на колесах, покачиваясь на рессорах. Из Лавры перешел в Третьяковскую галерею. Его интересовала русская рукописная миниатюра. В Армении изучал древнеармянскую миниатюру, потом русскую книжную миниатюру, после этого — русское шитье. Более близкого человека я не знал. Член закуточной комиссии Мурановского музея. Имел верный взгляд».

В этих лаконичных словах воочию предстает человек, посвятивший свою жизнь служению культуре. Для того, чтобы пред-

ставить весь жизненный путь А.Н. Свирина, нужно добавить еще некоторые даты и факты. Документы, связанные с его служебной и научной деятельностью, хранятся в Отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи (ОР ГТГ. Свирина. Фонд 144).

Алексей Николаевич Свирин родился в Новгороде 28 января 1886 года в семье военного врача. Его предки — потомственные военные. В 1894 году отец был переведен в Казань бригадным врачом. Там семья наняла квартиру во флигеле, принадлежавшем Н.Е. Боратынскому, сыну поэта. Несомненно, знакомство с этой семьей сыграло важную роль в судьбе Алексея Николаевича. Он получил среднее образование в Казанском реальном училище. С 1906 по 1912 год учился на юридическом факультете университета, одновременно слушая лекции по истории искусств и некоторые курсы на филологическом факультете. В 1913 году поступил на службу в Амурскую Контрольную палату в Хабаровске. В 1916 году перешел в Управление полевого контроля Северного фронта, находившегося в Пскове. В конце 1917 года управление было эвакуировано в Новгород, весной 1918 года в Ярославль, а осенью переведено в Москву. В начале 1920 года он был назначен в Контроль Московского военного округа в г. Сергиев (ныне Сергиев Посад). Ведомство Государственного Контроля было переименовано в Рабоче-крестьянскую инспекцию. До 1922 года Свирин работал там в качестве инспектора. Одновременно с 1920 года он вошел в Комиссию по охране памятников старины бывшей Троицкой лавры. Работа в этой комиссии за-

ключалась в организации музея. Сначала Свирин стал научным сотрудником музея, а с 1925 года — заведующим. С 1929 по 1935 год он — старший научный сотрудник Государственной Третьяковской галереи в отделе древнерусского искусства, созданном на основе замечательного собрания И.С. Остроухова. В 1935 году Свирин уехал в Ереван, где за три года написал книгу «Миниатюра древней Армении», ставшую его кандидатской диссертацией (защита состоялась в 1944 году). Вернувшись в Москву в 1937 году, заведовал отделом художественных тканей в Московском текстильном институте. В 1940 году вновь поступил в ГТГ для работы над историей древнерусского искусства, но в 1941 году был сокращен в связи с эвакуацией фондов. В 1943 году его деятельность в должности старшего научного сотрудника ГТГ возобновилась и продолжалась до 1971 года. В 1966 году научный коллектив Третьяковской галереи отметил 80-летие А.Н. Свирина и 50-летие его научной деятельности. Алексей Николаевич оставался научным консультантом и после своего 85-летия, но с 1971 по 1974 год был оформлен как лаборант, а с 1974 по 1975 год — как музейный сотрудник. Он умер 1 февраля 1976 года через несколько месяцев после ухода из ГТГ.

А.Н. Свирин — крупнейший специалист по древнерусскому искусству, у него много печатных трудов, главные из которых посвящены искусству книги, шитью и ювелирному искусству Древней Руси.

Публикация С.А. Долгополовой

Могилы И.Ф. Тютчева, Н.И. Тютчева и К.В. Пигарева у алтарной стены домово́й церкви